

УИЛЬЯМ ИТОН И ЕГО ОПИСАНИЕ КРЫМА НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

Никита Игоревич Храпунов

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия,
khrapunovn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6141-9487>*

Аннотация. В статье рассматривается малоизвестный источник по истории Крымского ханства на последнем ее этапе. Автор, английский авантюрист Уильям Итон, включил в состав трактата об Османской империи подробное описание Крымского ханства. Итон несколько раз побывал в Крыму по делам торговли, а также собирал информацию во время службы в британском посольстве в Петербурге. Его сочинение о Турции широко используется в зарубежной историографии, но «крымская» часть не пользуется особым вниманием исследователей. Итону удалось собрать массу информации о государственном устройстве Крымского ханства, его взаимоотношениях с Османской империей, социальной структуре и статусе отдельных групп населения, военном деле, населении и городах, экономике и принципах налогообложения, неудачных реформах последнего хана Шагин-Гирея, сокращении населения в последние годы его правления и о присоединении Крыма к России. Англичанин считал своим долгом опровергнуть некоторые данные, изложенные в популярных у современных и нынешних исследователей книгах французских дипломатов Ш. де Пейссоннеля и Ф. де Тотта. Итон выступал за изгнание турок из Европы и считал присоединение Крыма к России явлением прогрессивным и оправданным. Публикуется русский перевод «крымских отрывков» из сочинения Итона.

Ключевые слова: Уильям Итон, травелог, записки путешественников, Крым, Крымское ханство, Российская империя

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.».

WILLIAM ETON AND HIS ACCOUNT OF THE CRIMEA ON THE EVE OF ITS UNIFICATION WITH RUSSIA

Nikita I. Khrapunov

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, khrapunovn@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-6141-9487>*

Abstract. This article discusses a poorly known source on the Crimean khanate on the last stage of its history. Its author is the British adventurer William Eton, who published a treatise on the Ottoman empire with a detailed description of the Crimean khanate. Eton visited the Crimea several times for commercial affairs, and collected information when serving at the British embassy in St. Petersburg. Although his book on Turkey has been widely used in foreign scholarship, its “Crimean” part misses the researchers’ attention. Nevertheless, Eton’s work supplies varied information on the government of the

Crimean khanate, its relations to the Ottoman empire, social structure and status of different population groups, warfare and population, towns and settlements, economy and taxation, failed reforms by the last khan Shagin Girei, depopulation throughout the last years of the khanate, and its joining to Russia. The English traveller considered it necessary to disprove some data provided in popular books by French diplomatists Charles de Peyssonnel and François de Tott. Eton supported the plans for the expulsion of Turks from Europe and considered the Russian annexation of the Crimea the progressive and righteous action. The Russian translation of Eton's "Crimean fragments" is published.

Keywords: William Eton, travelogue, travel writing, Crimea, Crimean khanate, Russian empire

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of project No. 18-09-00053 supported by Russian Foundation for Basic Research.

Уильям Итон – автор одного из самых ярких описаний Османской империи в конце XVIII в. Опыт, полученный во время богатой приключениями жизни в османских провинциях, позволил ему создать книгу, в которой информативность сочеталась с живым языком и оригинальностью суждений [31]. Не случайно Байрон читал Итона, когда работал над «Паломничеством Чайльд-Гарольда», и обсуждал его трактат в комментариях к своей поэме [26, р. 191–194; о влиянии Итона на Байрона см.: 36, р. 68–71; 27, р. 152–153]. Некоторые современники не были согласны с Итоном и резко его критиковали в печати [47; 24], так что британец был вынужден отвечать [34]. Итон был последовательным филэллином, то есть выступал за изгнание османов из Европы и создание греческого государства. Он рассматривал турок как «варваров», противоположность европейской цивилизации и христианству. Его книга внесла вклад в характерный для XVIII в. спор западных интеллектуалов – османофилов и османофобов. В конечном итоге, победила точка зрения последних, и Турция стала рассматриваться как европейский «Другой» [подробнее: 9, с. 86 слл.].

Об интересе публики свидетельствует тот факт, что за 11 лет трактат Итона выдержал четыре издания [31; 32; 33; 35]. Во второе автор добавил новое предисловие, а в четвертое – специальную главу о греках, чтобы тем самым отразить стремительные перемены в средиземноморской политике, произошедшие в результате французской Революции, египетского похода Бонапарта и сложением вследствие этого англо-русско-турецкого союза, направленного против Франции.

Довольно большой отрывок в книге Итона посвящен Крымскому ханству накануне его поглощения Россией. Критиком взглядов Итона был Эдвард-Даньел Кларк – один из самых известных путешественников по Крыму. Кларка возмутили слова его соотечественника о том, что Россия имела «священное право» на завоевание полуострова, и что с последним крымским ханом поступили гуманно, ведь он просто «удалился на покой» и уехал из Крыма [28, р. 178, n. 1; 179, n. 2]. Сам Кларк был одним из создателей мифа о «золотом веке» Крымского ханства, безжалостно уничтоженном русскими завоевателями [подробнее: 23]. В отечественной историографии трактат Итона практически не используется [редкие исключения: 13, с. 151; 3, с. 99–100]. Настоящая публикация включает перевод крымского отрывка из трактата Итона, снабженный краткой вводной статьей и необходимыми комментариями.

О самом Итоне известно немного [подробнее: 20, с библиографией]. Англичанин по происхождению, он был торговцем, жил на Ближнем Востоке и выполнял функции английского [35, р. iii] и голландского [25, р. 180, п. 15; 38, р. 282] консула в разных городах Османской империи. Затем он в течении пяти лет служил секретарем британского посольства в Петербурге и, по его собственным словам, пользовался доверием фаворита Екатерины II Г. А. Потемкина [35, р. iii–iv]. Очевидно, в России Итон женился на театральной актрисе [44, р. 54–55]. Он несколько раз побывал в Крыму.

По словам самого Итона, в октябре 1777 г. он прибыл в Еникале (на севере нынешней Керчи) – крепость, переданную России по Кючук-кайнарджийскому мирному договору, завершившему войну с Османской империей 1768–1774 гг. Оттуда он собирался отправиться в Бахчисарай, но начавшееся в Крыму восстание против ставленника России – хана Шагин-Гирея, нарушило планы. В декабре он на небольшом судне отправился в Каффу (ныне Феодосия), но корабль был отнесен штормом далее на запад и, в конце концов, достиг устья Дуная, откуда по суше выехал в Россию [35, р. 312–315]. В сентябре 1778 г., находясь в карантине на российской границе, он стал свидетелем переселения крымских христиан на северный берег Азовского моря [35, р. 317]. Итон упомянул, что бывал в окрестностях Бахчисарая и, в частности, осматривал «пещерные города» [35, р. 320] – очевидно, это была другая поездка. Англичанин утверждал, что в 1781 г. общался с неким Сеид эффенди, визирем хана Шагин-Гирея, и использовал в книге полученные от того сведения [35, р. 296]. Возможно, это произошло в ходе его второй поездки на Крымский полуостров. В письмах знаменитого английского инженера Самьюэля Бентама, поступившего на русскую службу и в 1780 г. совершившего поездку на юг России до Херсона, говорится, что из Петербурга он выехал в обществе Итона [25, р. 160]. Впрочем, он вскоре разочаровался в товарище по путешествию и расстался с ним еще в Полтаве [44, р. 54–55].

Новые сведения об Итоне относятся ко времени, когда приход к власти Наполеона и его активная политика в Европе и Средиземноморье привела к многочисленным международным конфликтам. Дальнейшая история показывает характер этого человека, которого можно назвать авантюристом эпохи Просвещения [об этом феномене: 16, с. 7–31]. В 1801 г. Итону удалось получить должность суперинтенданта лазарета (начальника карантина) на Мальте, отбитой англичанами у французов, под предлогом того, что Потемкин (который в действительности умер в 1791 г.) поручил ему разведывательную миссию на острове в 1797 г. Кроме того, он поставлял в британский флот древесину. В 1803 г. Итон предложил организовать снабжение расквартированных в Средиземноморье английских войск и флота хлебом и солониной, используя свои русские связи. Из проекта по поставкам для королевского флота мало что получилось. Сухари и горох флотские начальники приняли, а вот от солонины и других мясных продуктов отказались по причине их низкого качества. В конце концов, британская Провиантская комиссия (*Victualling Board*) от-

казалась оплачивать счета Итона (1806 г.). Для засолки и упаковки свинины Итон приобрел заброшенные бани в Феодосии [42, р. 30–33; 39, р. 69, 194]. После провала его проекта этот объект мусульманской архитектуры был взят в английскую казну [15, с. 51]. Для российских властей разрушающаяся постройка в центре города, принадлежавшая иностранному правительству, еще долго была «головной болью». В конце концов, в 30-х гг. XIX в. градоначальник Александр Иванович Казначеев распорядился бани снести [29, р. 292–294].

Через три года после окончания «провиантской аферы», в 1809 г., вышло четвертое издание «Обозрения Турецкой империи». Очевидно, тогда Итон был еще жив, но это – последние о нем известия.

Значительная часть трактата Итона посвящена Крымскому ханству. Хотя он работал над книгой, когда это государство уже прекратило свое существование, Итон посчитал необходимым рассказать о нем и опровергнуть распространенные, по его мнению, ошибки, созданные западными путешественниками. Итон оправдывал присоединение Крыма к России, поскольку считал ханство государством варварским и хищническим, тогда как русские могли принести в эти места цивилизацию, торговлю и гуманность. Такая позиция отражает особенности общественной мысли Запада второй половины XVIII в. Османскую империю тогда рассматривали как экзистенциальную угрозу, полную противоположность собственной цивилизации, одновременно восхищаясь ее культурой, причем мода на «ориентальный» стиль имела самые разные проявления – от посуды и курительных трубок до литературы и оперы [9, с. 83–89; 8, с. 240–263; 48]. Одновременно на Западе даже шире, чем в России обсуждались возможности присоединения Крыма к царской империи [подробнее: 21]. Но, конечно, были и другие авторы, рассматривающие как угрозу саму Россию [9, с. 111–125] и считавшие необходимым «защитить» от нее турок и татар [40, р. 893 ff.].

Итон работал над трактатом через два десятка лет после событий. Неясно, имел ли он привычку вести дневник в поездках, или же полагался на память. Судя по всему, Итон мог объясняться по-турецки – отсюда его постоянные уточнения филологического характера, разбросанные по тексту. Впрочем, в сложной ситуации, оказавшись в городе Галац у дельты Дуная, когда его жизни угрожала опасность, он предпочел общаться с османскими чиновниками через переводчика [35, р. 316]. В другой раз он привел прекрасно переведенную цитату из русско-турецкого Кючук-кайнарджийского мирного договора 1774 г. [35, р. 309–310; ср.: 6, с. 350–351]. Неясно только, выполнил ли он сам этот перевод, и если да – то с русского или турецкого оригинала? В предисловии ко второму изданию книги автор иронизировал над принятыми тогда в Англии правилами передачи русских имен и объяснял, почему заменил их другими версиями, более соответствующими русскому произношению [35, р. xx–xxiii]. Это показывает, что какими-то познаниями в русском языке он обладал.

Наблюдательность Итона, оригинальность его суждений и влияние его книги на общественную мысль делают его труд очень интересным источником. Особо-го внимания заслуживают отрывки, посвященные Крыму. Внешние наблюдатели нередко могут увидеть то, что укрылось от взгляда постоянных жителей страны. Потому записки Итона можно использовать для изучения последнего этапа жизни Крымского ханства, ставшего независимым в 1774 г., но продержавшегося в этом состоянии очень недолго. Попытки элиты крымского государства лавировать между Россией и Турцией привели к бесконечному внутреннему кризису, в результате чего «покоренье Крыма» в 1783 г. прошло относительно безболезненно. Записки Итона позволяют увидеть в этом логичный результат развития исторической ситуации, а не козней российского правительства, как считал Кларк [28, р. 173–180] и многие после него.

Существует русский перевод «крымских отрывков» из книги Итона, но он, к сожалению, очень низкого качества. Автор, В. М. Калашников, по-видимому, работал с первым изданием трактата, но допустил ряд неточностей в описании источника: так, книга вышла в 1798, а не 1788 г.; Итон рассказал о своих поездках в Крым не в российскую, а в ханскую эпоху; о населении Османской империи говорится не в III, а в VII главе [7, с. 108, 109, 112]. Местами публикация В. М. Калашникова напоминает пересказ – кажется, переводчик иногда пытался не понять английский текст, но угадать его смысл [7, с. 109–126; ср.: 31, р. 253, 303–333]. Приведем лишь несколько примеров: крымские татары почему-то именуется «крымчаками» [7, с. 112; ср.: 31, р. 303]; исчез намек на гомосексуализм османского султана Селима III [7, с. 116; ср.: 31, р. 309]; пропущена мысль о том, что все мужчины из рода Гиреев носили титул «султана» [7, с. 117; ср.: 31, р. 310]; рассуждение о том, что крымским мурзам и беям было запрещено воевать друг с другом, превратилось в рассказ о конфликтах из-за воинской добычи [7, с. 120; ср.: 31, р. 314]; и так далее. Как уже сказано, в последнее прижизненное издание трактата Итон внес в текст ряд важных прибавлений. Наряду с отмеченными недостатками издания В. М. Калашникова, это делает актуальным новый перевод отрывков из источников, связанных с Крымом, по последней версии книги [35].

Страницы оригинального издания указаны в квадратных скобках [] перед началом соответствующей части текста и выделены жирным. В таких же скобках отмечены дополнения переводчика, а также даны использованные Итоном варианты написания имен, топонимов и других терминов латиницей – если они не соответствуют современным вариантам. Троеточие в квадратных скобках [...] указывает, что здесь был пропущен фрагмент, к Крыму и Крымскому ханству не имеющий отношения. Имена и названия в русском тексте приведены к современным формам написания. Выделения курсивом в основном тексте следуют авторскому варианту. Примечания, кроме особо оговоренных, выполнены переводчиком.

Уильям Итон
Обозрение Турецкой империи,
в котором рассматриваются:

I

Ее образ правления, финансы, вооруженные силы и флот, религия, история, искусство, науки, нравы, торговля и население;

II

Состояние провинций, включая древний образ правления у крымских татар, подчиненность греков, их усилия во имя освобождения и интересы других наций, в частности Великобритании, к их успеху;

III

Причины упадка Турции и те, что помогают продлить ее существование, с развитием политической системы покойной российской императрицы;

IV

**Британская торговля с Турцией, необходимость ликвидации Левантийской компании и опасность наших карантинных правил;
Со многими другими существенными подробностями**

[...]

Вводная глава к четвертому изданию

[...]

[xxvi] Черное море сильно отличается. Здесь у русских [*Russians*]¹ есть *нумники*, формирующие моряков. [xxvii] Не все крестьяне приграничных провинций – крепостные². Свободные казаки весьма привержены мореплаванию. Можно вспомнить, что однажды они вошли в Константинопольский пролив [*channel of Constantinople*]³ и наложили на этот город контрибуцию⁴. Для мореплавания в Азовском море и поддержание торговли между Доном и Каффой⁵ на маленьких судах потребовалось бы 12 000 человек, а из Днепра в Одессу, по куда более короткому пути, несколько тысяч. Пятьдесят кораблей береговой охраны [*guarda-costas*] на службе

---

¹ В зарубежных источниках конца XVIII – начала XIX в. термин «Russians» обозначал как этнос («русские»), так и политическую нацию (дворянство и чиновничество Российской империи разного этнического происхождения, «россияне»).

² В оригинале – *vassals*, вассалы. Это более мягкий термин, чем «рабы» (*slaves*), которым многие путешественники именовали российских крепостных [напр.: 37, р. 199]. Западные интеллектуалы полагали, что «рабский» статус русских крестьян, даже если хозяева к ним относились мягко, не оставлял возможности для развития («достижения цивилизованности») ни им самим, ни государству в целом [2, с. 113–116]. В свою очередь, российские идеологи всячески подчеркивали разницу между крепостничеством и рабством, указывая на счастливую жизнь русских крестьян [1, с. 42–43].

³ Нынешний Босфор. Столица Османской империи официально называлась «Константинополем», тогда как «Стамбул» был неофициальным термином до 1930 г.

⁴ Известно несколько таких набегов запорожцев – во главе с Петром Сагайдачным в 1615 г. и с Михаилом Дорошенко в 1624 г.

⁵ Ныне г. Феодосия в восточном Крыму.

у карантинного департамента будут иметь в штате от 3 000 до 5 000 человек, постоянно находящихся в море. Помимо всех этих питомников, корабли для [Эгейского] архипелага и Средиземноморья строились очень быстро, а у русских есть свои превосходные судостроители.

Навигация на Черном море продолжается круглый год: Днепр и Керченский пролив замерзают зимой, но Каффу и Севастополь [*Sebastopolis*]⁶ льды не беспокоят никогда.

Существует заимствованное у турок представление об опасности Черного моря. Для них оно и в самом деле черное, и стало бы таковым даже для британских моряков, если бы те плавали на кораблях, как у турок, которые характерны для этого моря, – они не могут лежать в дрейфе и потому постоянно должны идти по ветру, а если пропускают порт, то их вытаскивают на берег. Здесь не больше штормов, чем в других морях. Мне доводилось плавать по нему во всякий месяц года.

Между Константинополем и Синопом нет ни рифов, ни отмелей, за исключением рифов острова [xxviii] Кефкен [*Kefkani*]⁷, мимо которых корабль вряд ли пройдет, и небольшой песчаной банки близ Синопа, скрытой очень высоким мысом. На берегу множество высоких, разнообразной формы ориентиров, видимых с большого расстояния, а вода так глубока, что военный корабль сможет идти совсем рядом с берегом. И на этом, и на европейском берегу имеются порты – их можно увидеть на карте г-на Эрроусмита⁸, изучение которой даст общее представление об этом море. Не знаю ни одного моря такого размера, которое было бы настолько безопасно. От Константинополя до Лимана [*Liman*]⁹ берег во многих местах низок, но не опасен, поскольку глубина уменьшается постепенно. Если корабли держатся слишком близко к берегу, можно встретить отмели к востоку от устья Лимана, небольшую отмель близ Севастополя, которая не опасна, и еще две у берега между Кафзой и Керчью. Берег Крыма очень глубок и обрывист. При таких свойствах, где может быть опасность для мореплавания? Единственная опасность – это в бури с сильным северным ветром, когда сложно отыскать вход в Константинопольский пролив, а если корабль слишком сместится вправо, то может попасть к берегу у Домузdere [*Domusderé*], который мелководен на некотором расстоянии. Если до того, как погода развиднеется, корабль окажется не слишком близко к берегу, то нечего бояться даже в бурю, если сначала подойти к Анатолийскому берегу¹⁰.

Впадающие в Черное море большие реки [xxix] протекают по провинциям, где производят все, что необходимо для мореплавания – эти товары доставляют в Ригу и С.-Петербург длинным сухопутным путем и по рекам против течения.

---

⁶ Хотя речь идет о базе Черноморского флота на юго-западной оконечности Крыма, Итон записал его название на античный лад. Очевидно, он понимал, что название крымского города происходит от античного Севастополя, находившегося на месте нынешнего Сухума в Абхазии.

⁷ Остров у северо-западного побережья Малой Азии, близ Босфорского пролива.

⁸ Имеется в виду карта Черного моря знаменитого английского картографа Аарона Эрроусмита (1750–1823).

⁹ Как и многие его современники, Итон воспринял греческое по происхождению слово *лиман* («мелководный залив») как имя собственное, название Днепробугского лимана.

¹⁰ Анатолия – историческое название Малой Азии.

Мачтовый лес везут в Ригу два года – в Херсон его доставляют в первую же весну. Железо поступает из Сибири в Таганрог за одно лето, а [его доставка] в С.-Петербург [занимает] два года и зачастую даже дольше, и требует больших расходов.

Колоссальные суммы потрачены на улучшение портов, рек, дорог и пр., и на строительство новых городов на берегу Эвксинского [морья].

Эти сведения говорят сами за себя – комментарии тут не нужны.

[...]

Глава VI

Об искусствах и науках, торговле и нравах в целом

[...]

[195] Это приводит меня к умозаключению относительно турецкого языка, по поводу чего я приведу несколько наблюдений, тем более длинных, что до сих пор его изучали без всякой точности. Турецкий язык происходит от чагатайского [*Ziagutai*], диалекта того татарского языка, который так широко распространился благодаря агрессивным нашествиям различных варваров.

Предположения [де] Тотта¹¹ по этому предмету справедливо исправил [де] Пейссоннель¹², наблюдения которого о разном происхождении этих языков заслуживают внимания. Среди варварских орд, которые в разное время разливались по Европе и Азии с севера и запада, он выделяет три великие и различные нации, отличающиеся по происхождению и языку – кельтов или тевтонов, финнов [*Fens*] или славян, и гуннов или татар. [...]

[196] Последними из всех были гунны или татары, которые, выйдя из местности, называемой «Платформой Татарии» [*Platform of Tataria*]¹³, распространились от Японского моря до границ Польши, и в разное время установили власть над Китайской, Индийской, Персидской и Турецкой империями¹⁴.

Чагатайский язык, как и должно быть с языком, на котором говорят подобные варвары, был беден и ограничен, а его недостатки возникли благодаря заимствованию терминов из арабского и персидского.

---

¹¹ Франсуа де Тотт (1733–1793) – французский инженер и дипломат, служивший посланником в Крымском ханстве в 1767–1769 гг., автор популярной книги воспоминаний о своих приключениях в землях османов и татар [43, р. 568–571].

¹² Клод-Шарль де Пейссоннель (1727–1790) – французский дипломат, служивший посланником в Крымском ханстве в 1754–1758 гг., автор нескольких популярных книг об истории и современности Причерноморья [43, р. 490–492].

¹³ Очевидно, Итон имел в виду распространенное в Европе представление о том, что обширные пространства внутренней части Азии занимал огромный горный массив – «Высокое плато Та(р)тарии» [см.: 5, с. 19–20].

¹⁴ Судя по всему, Итон считал, что «гунны» и «татары» были разными названиями совокупности тюркских народов.

[...]

Глава VII

О состоянии населения Турецкой империи

[...]

[245] При таком чахлам состоянии внутреннего сельского хозяйства, Константинополь ищет внешние каналы поставки зерна, в особенности [246] Египет, Молдавию, Валахию, Крым и Польшу.

Учитывая состояние Египта¹⁵, кажется, на постоянные поставки оттуда полагаться не стоит. Мудрое правительство будет еще меньше смотреть на рынки, которые, подобно прочим мною перечисленным, находятся или прямо под управлением враждебного государства, или же постоянно испытывают угрозу его нападения. К тому же русские достаточно мудры, чтобы в мирное время развивать собственное сельское хозяйство, поставляя в Константинополь зерно из своих провинций. Крым, от которого прежде сильно зависела Порта [porte]¹⁶, покинула большая часть его татарских жителей, когда он попал под власть [Российской] империи. Но русские и другие искатели приключений, ныне им владеющие, предпринимают большие усилия для возобновления его торговли и сельского хозяйства...

[...]

Глава VIII

Состояние турецких провинций

[...]

[278] Я [...] добавлю к этим наблюдениям¹⁷ обзор состояния Крыма с некоторыми замечаниями относительно тех татарских орд, чья свирепость была либо укрощена, либо подчинена благодаря присоединению к России. [...]

[291] Если и была нехватка доказательств, подтверждающих жалкую деградацию турецкого правления в отношении их отделенных провинций и того ужасного опустошения, которому подверглись эти провинции, мы найдем их у автора панегирика Турции, г-на Пейссонеля [Peyssonel]. Он был французским консулом в Крыму в 1758 г., когда вспыхнул мятеж, вызванный требованиями со стороны османских чиновников, связанных с *ichetirah*, или перевозкой зерна. Мятежные татары, числом в восемьдесят тысяч, разграбили и опустошили за семь дней провинцию Молдавия, увезли сорок тысяч рабов, со всех сторон сеяли ужас и разорение, а у Порты не было других средств, чтобы укротить эти беспорядки, кроме смещения

---

¹⁵ Итон имеет в виду французскую экспедицию в Египет (1798–1801), организованную Наполеоном Бонапартом, опустошившую страну и обострившую международные отношения в Средиземноморье.

¹⁶ Западное название Османской империи – Высокая, Блистательная, Оттоманская или просто Порта – происходит от французского слова «porte» («ворота»), которые вели в стамбульскую резиденцию великого визиря. Итон же, вопреки традиции, систематически пишет это слово со строчной буквы – то ли в знак презрения, то ли имея в виду его буквальное значение.

¹⁷ О других османских провинциях в Европе и Азии – речь о них шла в выпущенном отрывке.

правлящего хана Алим-Гирея [*Alim Guerrai*] и возведения на его место Крым-Гирея [*Krim Guerrai*] – предводителя восстания. В это время, говорит г-н Пейссоннель, мы видим равнины Килии [*Kichela*]¹⁸, покрытые, насколько хватает глаз, рабами – мужчинами и женщинами [292] всех возрастов, скотом, верблюдами, лошадьми, овцами и всеми видами добычи, сваленными вместе. Все это добро взято было из христианской провинции, подчиненной Порте. Крым-Гирей, в обмен на то, что получил трон, попытался сделать так, чтобы имущество вернулось к своим владельцам, а пленники получили свободу. Но, несмотря на предпринятые этим князем [*prince*] энергичные и решительные меры, он смог вырвать лишь малую долю награбленного у алчных бандитов, находившихся под его командой. Из рабов многие были спрятаны или проданы, и многие умерли от жестокого обращения, так что лишь половина пленников вернулась в свою страну. Это свидетельство Пейссоннеля, друга Крым-Гирея – но хорошо известно, что он сам получил часть награбленного, и что назад отправили лишь тех, чей возраст сделал их непригодными для [назначенной] цели. В Молдавии те, кто передаривали подарки, сообщили мне, что около тридцати тысяч душ, в самом расцвете молодости, так и не вернулись [домой]. Конечно же, эта картина опустошающего варварства достаточно показывает характер татарских орд. А если мы прибавим, что они постоянно совершали набеги на Россию, Польшу, Черкессию [*Circassia*] и пр. [страны], где хватали их жителей, грабили и сжигали селения, то это будет достаточным оправданием российскому двору, установившему власть над этим гнездом грабителей и убийц, и приведшему [293] их в состояние, напоминающее общественный порядок и подчинение. Вместо того, чтобы быть осужденными, подобно императрице [Екатерине II], теми христианами, кто всегда симпатизирует туркам, и теми политиками, которые считают желательным сохранение захваченной ими империи, она заслуживает благодарности от всех людей, принадлежащих к любой нации, которые не опозорены предрассудками и не испорчены практикой подобных гнусностей. Все правление татар было оскорблением человечества и унижением человеческой природы, не меньшим, чем [правление] османских султанов. Следовало ли ожидать, что подобная России держава будет терпеть удары от орды дикарей, когда она могла отплатить за обиды? И разве у нее не было права как у независимого правителя [*sovereign*], как у христианина и друга человечности на защиту своих слабых соседей, которым неоткуда было больше искать защиты, а разграбление и сокращение их населения укрепляло и ее, и их врагов? У нее было священное право, и порочны уста, которые попытаются ее обвинить.

Связь между татарскими ордами и турками по происхождению и религии побуждает меня дать обзор состояния их самой прославленной местности – Крыма [*Crimea, or Krim*]¹⁹, пусть он сейчас и перешел под власть России, и был оставлен

¹⁸ Килия (иногда встречается вариант Кичела) – город на одном из устьев Дуная, ныне на территории Одесской области Украины.

¹⁹ Использование двух вариантов написания топонима показывает, что Итон знал: современное английское название полуострова («Crimea») довольно сильно отличается и написанием, и произноше-

большей частью своих прежних жителей. [294] Помимо этого, меня дополнительно стимулируют ошибочные представления, которые распространяют в Европе в отношении этой меры, [этой] страны в целом и природы ее прежней системы правления, до сих пор столь мало известной. Более всего удивляет меня то, что г-н де Пейссоннель, имевший настолько удачную возможность для сбора самой точной информации об этом предмете, полностью проигнорировал его, и говорит о татарской системе правления в соответствии с общепринятыми о ней представлениями. Часто бывает, что самые внимательные путешественники приезжают в страну с ложными понятиями о вещах и, если не случается ничего такого, что бы вывело их из заблуждения, остаются при своих ошибках. Чтобы прояснить все это, может оказаться нужным дать краткий очерк татарского военного дела и их незначительной цивилизованности, и отметить улучшение состояния нравов и торговли, появившейся при благотворной заботе России.

Имя «татар» [*Tatar*], а не «тартар» [*Tartar*]²⁰, общее для большого количества бродячих и нецивилизованных племен, что населяют обширные области страны от северного пограничья Китая до границ Венгрии, среди которых в темные времена появились завоеватели и основатели многих могучих империй. Племена к северу от Эвксинского [моря] были, подобно многим другим странам, граничащим с Турецкой империей, подчинены, попав в определенную зависимость – они давали [295] немногие доходы в мирное время, а во время войны поставляли лишь грабителей-бандитов, немногим менее пугавших соседей, бывших с ними в дружбе, чем враждебное государство.

В давние времена Крымская империя [*empire of the Crimea*] (древний Херсонес Таврический) возникла на руинах еще более древнего и обширного государства кипчакских ханов [*khans of Kapchak*]. Свое название она получила от города Крыма [*Krim*], от которого ныне мало что сохранилось. Сейчас он называется «Эски-Крым» («Старый Крым») [*Eski-Krym, Old-Krym*], и был местом обширной торговли в 1237 г., когда монголо-татары [*Mongul Tatars*] установили свою власть над этим полуостровом. Эти князья были полностью независимы до тех пор, пока генуэзцы, утвердившись там в XV веке ради торговли, не сделались так влиятельны, что стали свергать и приводить к власти местных ханов по собственному желанию. Над главными воротами Каффы до сих пор существует генуэзская надпись на плохой латыни и

нием от тюркского оригинала. Это произошло потому, что посредником между тюркским и английским выступил новогреческий либо итальянский язык.

²⁰ В результате шока, испытанного европейцами во время нашествия монголов в XIII в., в завоевателях увидели предсказанных христианскими пророчествами предвестников конца света [17, с. 13, 39, прим. 16]. Потому они прибавили букву «р» в название страны и ее жителей – *Тартария* («*Tartaria*»), *тартары* («*Tartars*»), подчеркнув их связь с Тартаром, преисподней древнегреческих мифов. Итон знал, что эта традиция не верна. В предисловии ко второму изданию он оговорил этот вопрос: «Я писал “татары” [*Tatar*], потому что в первом слоге нет буквы р ни в написании, ни в произношении жителей Востока [*Orientalis*]. Русские всегда писали и произносили “татары” [*Tatar*], а немцы недавно приняли эту орфографию» [35, р. xxiii].

герб этой республики. Турки, изгнав генуэзцев, начали с того, что уважали независимость ханов, особенно когда те приняли магометанскую религию, но вскоре они получили право утверждать их избрание и, в конце концов, предлагать кандидатов на эту должность. Попав в руки Турции, Черное море, которое прежде было ареной самой активной торговли, было закрыто благодаря непредусмотрительной политике Дивана [*divan*]²¹, и крымские порты [296] постепенно утратили былое богатство и значение, о которых ныне свидетельствуют лишь развалины. Ни один друг человечества не сможет испытать ничего кроме радости от того, что такие властители были изгнаны путем войны из этой важной страны, и что она перешла под контроль державы, чьи более свободные и просвещенные взгляды должны возродить пришедшую в упадок торговлю, облагородить варварскую свирепость и сделать эту часть земного шара, почти превратившуюся в пустыню, вновь плодородной и производительной.

Как только императрица [Екатерина II] взяла власть над Крымом, она создала проект по возвращению торговли и производства в место, столь удачно для них приспособленное – она немедленно, с большими затратами, предприняла меры для этой цели, прислала войска для защиты своих новых владений и позволила правившему хану отойти от дел, за что он получил щедрую пенсию.

Нижеследующее свидетельство о прежнем образе правления в этой стране, полученное мною в 1781 г. от Сеид эффенди [*Seid-Effendi*], визиря [*vizir*] при правившем хане Шагин-Гирее [*Shaheen Guerrai*], показалось мне совершенно точным [при сравнении с] другими сведениями, [так что] я представляю его здесь как заслуживающее большего доверия, чем неточные рассказы об этом государстве, изданные до сей поры. Сравнение его с древними феодальными государствами и выдвижение ряда предположений, которые могут возникнуть при исследовании этой темы, [297] не соответствует моим нынешним целям, являясь задачей, для которой у меня недостает знаний, но это может стать предметом для размышлений других [людей].

Ханом всегда становился старший мужчина в семье *Гиреев*, происходившей от *Чингисхана*, если только некая природная недееспособность не исключала его из наследования, или если [его] страна, что иногда случалось, не вмешивалась и не избирала другого, но всегда одного из рода Гиреев, и всегда старейшего и ближайшего к прямой линии наследования. Впоследствии эта семья стала очень многочисленной, так что было трудно определить лучшего кандидата, и под конец ханы стали полностью выборными. Более всего вовлечены в выборы были беи [*beys*] и мурзы [*mursas*] – но общее мнение нации [*nation*] также учитывалось, поскольку кандидатура невоинственного или непопулярного хана вызвала бы протест части народа [*people*]²².

²¹ Как и в случае с Портой (см. прим. 16), Итон писал название турецкого правительства со строчной буквы, возможно, выражая так негативное к нему отношение.

²² Всех крымских татар, а не только знать, Итон именует «нацией» (*nation*), очевидно потому, что мнение свободного рядового населения играло роль при выборе хана. Немусульманское население Итон частью крымской нации не считал [подробнее см.: 20, с. 153]. «Народ» (*people*) в этом отрывке, видимо, синоним «нации».

После того, как турки стали угрозой для крымских татар, Порты присвоила себе право утверждать этот выбор, а впоследствии и самостоятельно назначать хана. Иногда беи и главные мурзы (или мирзы) [*myrsas*] писали в Константинополь, ходатайствуя о передаче власти предпочтительному для них князю, а иногда кандидаты подкупали Порту.

Хан сохранял свою власть лишь по прихоти османского султана, так что [298] ежегодно из Константинополя присылали капуджи-баши²³ [*capugee-bashi*] с фирманом²⁴, подтверждающим его [власть] на следующий год. По [Кючук]-кайнарджийскому миру в 1774 г. Крым провозгласили независимым, а татары вернули себе право на выбор собственного государя.

Если хана смещали, это делалось по султанскому фирману (или хатт-и шарифу)²⁵ [*hatti-sherif*], который привозил из Константинополя капуджи-баши. Его смещение часто было следствием жалоб самых влиятельных людей Крыма, или неудовольствия со стороны Порты его поведением во время войны или задержками в поставке хлеба в столицу – но его никогда не придавали смерти.

Последний несчастливый хан, правивший в то время, когда я получил эти сведения, стал исключением. Он покинул Россию и удалился на покой в Константинополь, где его поначалу приняли с большим почетом, затем отправили в ссылку и, в конце концов, предали смерти.

Смещенных ханов иногда отправляли в ссылку в отдаленную часть империи или на один из греческих островов, но обычно Порты давала им *чифтлык* [*chiftlik*], или род поместья, включавшего сельский дом и обрабатываемую землю, между Константинополем и Адрианополем, куда они брали с собой своих домашних и там предавались воле судьбы. В настоящее время в тех краях живет около [299] трехсот князей из этой семьи, что иногда делает дороги небезопасными, ведь ни они, ни их люди не могут полностью отказаться от своей древней привычки к грабежу. Они являются ближайшими наследниками османского трона, ведь правящая семья часто бывала близка к пресечению²⁶. В настоящее время, если не считать султана, в живых остаются лишь двое сыновей, еще очень молодых, его покойного дяди Абдул-Хамида [*Abd-ul-hamid*]²⁷. У самого Селима²⁸ нет детей – он весьма привержен греху, который обычно приносит такую кару.

Когда султан назначал хана, он писал четырем беям, сообщая о назначении этого князя им в государи. Хан был настолько же деспотичен, как и османский сул-

²³ Капуджи-баши – один из начальников привратников во дворце османского султана.

²⁴ Фирман – указ османского правителя.

²⁵ Хатт-и шариф – официальный письменный документ, написанный лично султаном.

²⁶ Среди крымских татар бытовала легенда, согласно которой Гирей получают власть над Оттоманской империей в случае пресечения правившей там династии [11, с. 12; 22, с. 418]. Несмотря на то, что не существует никаких материальных подтверждений подобного договора [14, с. 237–238], память о нем сохранялась десятки лет спустя после присоединения Крыма к России [18, с. 386].

²⁷ Абдул-Хамид I (1725–1789) – правитель Османской империи с 1774 г.

²⁸ Селим III (1761–1808) – правитель Османской империи с 1789 г.

тан, в исполнении закона, которым в обычных случаях был закон Корана [*koran*]²⁹. В чрезвычайных случаях или там, где он решал не обращаться к закону, его власть была не ограничена ничем, за исключением того, что касалось родов беев, о чем речь пойдет дальше, и дел, затрагивающих всю нацию целиком.

У ханов не было собственной земли, за исключением небольшого участка близ Бахчисарая [*Bagshiserrai*].

Все сыновья из рода Гиреев именуется султанами.

Существовал совет, или точнее сословие [*état*]³⁰, состоявшее из четырех старших особ четырех родов, носивших титул «бей» (то же самое, [300] что арабский «бек» [*beg*]), или князя. Имена этих родов – Ширин [*Sherin*], Барин (или Барон) [*Barin, Baron*], Мансур [*Mansur*] и Сиджеут [*Sigevut*].

Первый род очень многочислен. Из второго в 1781 г. оставалось в живых лишь два человека. Мансуры также многочисленны, а Сиджеуты – нет. Ширины, которые считаются знатнейшими и к которым должна перейти царская власть, если пресеется род Гиреев, часто женятся на дочерях Гиреев, а иногда, пусть и не часто, на дамах из самых значительных родов мурз.

Согласно принципу устройства государства, хан должен был советоваться с бейями по вопросам войны и мира, и во всех делах, касавшихся нации в целом. Они же подтверждали своими подписями все письма о важных делах, которые хан писал в Константинополь или к другим [монаршим] дворам.

Хан не мог предать смерти никого из членов бейских родов без разрешения из Константинополя, но мог лишь заключить их в тюрьму. Прежде их судили другие бейи и сам хан, а если другие бейи были замешаны в преступлении, то мурзы, или совет помещиков.

Ни бейи, ни прочие члены их рода никогда не могли занимать должностей на ханской службе.

Бей не мог продать или иным образом передать [301] семейные земли и владения, которые переходили по наследству, но не к его детям, а к преемнику по должности или рангу. Деньги и движимое имущество бейи могли оставить кому захотят, так что подобным образом они обеспечивали своих детей. Все члены бейского рода назывались мурзами, исключая лицо, получившее звание бейи.

В уголовных делах бейи, так же как и мурзы, на земле которых произошло преступление, ловили преступника и отправляли его к хану или другому судейскому чиновнику. Это происходило в делах, где применялась смертная казнь; в менее важных случаях они могли наказывать поркой.

²⁹ Как и в случае Порты и Дивана (см. прим. 16, 21), Итон писал название священной книги мусульман со строчной буквы, очевидно, выказывая так свое отношение.

³⁰ Описывая деление крымско-татарского общества («нации») – см. прим. 22), Итон пытался подобрать наиболее подходящий термин, используя как синонимы английские «class» и «estate», а также французское «état» – наиболее адекватным русским вариантом для всех будет «сословие».

Существовало и другое сословие [*estate*], состоявшее из мурз или земельных собственников, которые считали себя классом [*class*], отдельным от народа, – их представления о различии по этому пункту точно соответствует бытовавшим в Европе о джентльменах, или знати. Слово «мурза» (в Персии мирза) обозначало лорда или синьора, так что нужно переводить его как сквайр, помещик или малый барон, тогда как беи были большими баронами и пэрами³¹.

Земли мурз переходили по наследству к их старшим сыновьям, а не старшим мужчинам в роду, как это было у беев. Они могли по собственной воле выделить часть своих денег или другого имущества для младших детей. На своей земле они обладали той же властью, что и беи, [302] в отношении совершенных здесь преступлений, то есть могли наказывать поркой или заключением под стражу, отправляя преступников к хану или в иные суды.

Хан мог предать мурзу смерти, но он всякий раз, если природа преступления позволяла сделать отсрочку, судил обвиняемого в присутствии беев, или совета мурз, или его друзей, желавших убедиться в том, что правосудие совершается по закону Корана.

В делах, касавшихся всей нации, или которые могли породить всеобщую смуту, хан собирал мурз, а также четырех беев – последние всегда контролировали великую власть хана и, с другой стороны, ограничивали власть союза мурз, которой тот иногда распорядился слишком беспечливо. В прежние времена беи и мурзы смещали своего монарха, если его поведение приводило к всеобщей смуте, – но это считалось настолько опасным шагом, что к нему никогда не прибегали, за исключением самых крайних случаев.

Крестьяне, или сельские жители, составлявшие основу нации, были свободными. Крестьянин, обрабатывавший кусок земли как поле или пастбище, отдавал бею или мурзе, бывшему ее владельцем, двадцать процентов продукции в качестве ренты.

Если же земля была его собственной, он отдавал лишь десять процентов бею или мурзе, в районе которого находилась земля.

[303] Крестьянин мог распоряжаться своей собственностью как пожелает – если же он умирал, не оставив завещания, наследника определял закон Корана.

Когда хан собирал армию на войну, то посылал вызов к бейам и мурзам, дабы те прислали свою часть [войска], которая фиксировалась в соответствии с количеством людей, живших в их владениях. Каждый бей или мурза командовал тем отрядом, который выводил на поле боя. Хан не давал воинам ни денег, ни провианта – пока они не пересекли границу, всем необходимым их снабжали офицеры или они сами, после чего они кормилось грабежом, вне зависимости от того, принадлежала ли эта страна дружественной или враждебной державе. Почти каждый татарин имел лошадь и вооружался за собственный счет.

---

³¹ Как и в предыдущем случае, Итон попытался найти европейские (точнее, английские) аналоги крымско-татарским социальным рангам, предположив, что разница между бейами и мурзами примерно соответствует разнице между титулованной и нетитулованной английской знатью.

Часть от трофеев, которые они захватывали всякий раз, когда пересекали границу, принадлежала хану, часть – их бею или мурзе, а остаток – им самим, причем обычно это была наиболее существенная [часть].

Ни беям, ни мурзам не позволялось воевать друг с другом – а народу запрещалось принимать участие в их личных спорах.

Было еще одно сословие [class] людей, живших в городах и поселках, не плативших ренты беям и мурзам за землю, занятую их домами, садами и полями, которые принадлежали [304] им самим или были арендованы ими у других собственников, поскольку эти земли и участки принадлежали городу или поселку. Их также не могли призвать на войну – но зачастую они, из желания пограбить, добровольно присоединялись к отряду одного из беев или мурз.

В Крыму были и другие люди, имевшие титула бея, но они не принадлежали к этому *сословию* [*estate* или *état*], а потому были простыми мурзами.

Было и сословие людей, также называвшихся придворными, *капу-халки* [*kapu-khalki*], «людей у *порт*ы, или ворот», то есть при дворе, поскольку в старые времена правосудие исполнял судья, сидевший у своих ворот, – оно включало визиря, кознадар-баши [*khuznadar-bashi*], дефтердара [*defterdar*], ахтаджи-бея [*akhtagibey*], капиджи-баши [*kapigi-bashi*] и пр.³² На эти должности хан назначал по собственному желанию мурз или их сыновей, купцов, турок и пр., а когда они получали должность, если они происходили из незначительной семьи, то их называли «ага», а их сыновья получали титул мурзы*. Хотя беи и большие мурзы иногда выдавали своих дочерей замуж за придворных, если те становились значительными лицами, это случалось редко и обычно по желанию хана.

[305] Виднейшими государственными чиновниками были:

1. Калга-султан [*Galga-Sultan*]. Он был наместником города Акмечети [Akmedschit]³³ и его округа, где постоянно проживал. Он всегда принадлежал к роду Гиреев и обладал властью распоряжаться жизнью и смертью в своем округе, подобно самому хану. На эту должность не могли назначить человека, старшего по возрасту, чем правящий хан. У него был двор и чиновники с теми же названиями, что у хана, например, визирь, казнадар и пр. Обычно те, кто описывал Крым, полагали, что калгой-султаном становился старший сын хана – но так никогда не бывало.

2. Нуреддин-султан [*Nuruddin-Sultan*]. Он также должен был принадлежать к роду Гиреев. Он имел те же привилегии, что и калга-султан, но не мог карать смертью. Он всегда жил при хане, но его полномочия в исполнении правосудия и других ведомствах были не большими, чем возможность давать советы или вести дела от

³² Капу-халки (капикули) – служилое сословие, «второй класс» крымского дворянства; визирь – глава правительства; кознадар-баши (казнадар-баи) – ханский казначей, дефтердар – финансовый контролер, ахтаджи-бей – ханский конюший, капиджи-баши – церемониймейстер [см. напр.: 11, с. 24–25, 28–29].

³³ Ныне Симферополь.

* Ситуация, когда сын становился дворянином [*gentleman*] из-за того, что его отец, человек небогатого происхождения, занимал почетный пост, сильно напоминает древнюю феодальную систему правления и нынешний обычай большинства европейских наций (*прим. автора*).

имени хана в делах, которые тот ему поручил. Кажется, эта должность была чем-то вроде эпизодического помощника хана, который всегда находился под рукой.

3. Ор-бей [*Or-Bey*] (или, как произносится, *ore-bay*³⁴) жил в Перекопе, который назывался «Ор»³⁵. Его привилегии были такими же, как у калги-султана, – за исключением того, что он не мог карать смертью; он не всегда принадлежал к роду Гиреев, но иногда – к Ширинам, и в этом случае не имел визиря, но все [306] остальные чиновники его двора были такими же, как у султана.

4. Аккерманский сераскир [*Ak-kirman-Seraskir*] всегда был султаном и имел власть распоряжаться жизнью и смертью. Он жил в Аккермане [*Akkirman*]³⁶, пока турки не завладели *Бессарабией* [*Besarabi*]. Он был также наместником над *ногайскими татарами* [*Nogai-Tatars*], пока они не перебрались с равнин к северу от Перекопа на Кубань. У него были те же чиновники, что у калги-султана.

5. Кубанский сераскир [*Kuban-Seraskir*], имевший такую же власть и привилегии, что и калга-султан, всегда был султаном из рода Гиреев. Кроме того, каждое племя кубанских татар [*Kuban-Tatars*] имело [особого] сераскира, который отправлял правосудие в этом племени, но подчинялся *кубанскому сераскиру* и не мог карать смертью.

Кроме того, были:

1. Муфтий [*Mufti*] Крыма, назначавшийся ханом, который жил при нем в Бахчисарае, но там не было совета улемов [*body of ulema*], регулировавшего полномочия правительства, как в Константинополе. Когда турки владели Каффой, у них был там собственный муфтий, но он никогда не давал советы татарам и не пытался вмешиваться в их дела.

2. Кадиаскер [*kadilaskir*] (или казиаскер) [*kaziaskir*], назначавшийся подобным образом и живший при хане.

3. Двадцать четыре кадия [*kadis*] (или казия) [*kazis*], по одному в каждом большом округе, не считая кадиев на Кубани, [307] где у каждого кадия было по округу, состоявшему из нескольких селений или стойбищ с шатрами.

Таким образом, эта оригинальная система правления, как кажется, первоначально была феодальной, но впоследствии, когда татары стали магометанами, изменилась после принятия законов Корана. Татары признают константинопольского султана халифом [*kalif*] и своим религиозным главой. Их никогда не пытались заставить отказаться от поедания конины, что мусульманам запрещает магометанский закон. Турецкие муфтии благоразумно решили, что конину нельзя есть всем остальным мусульманам, исключая татар, поскольку те к ней привыкли, а потому это не считается грехом.

³⁴ Автор пытался показать, что в этом титуле звук *r* произносится звонче и выразительнее, чем в английском.

³⁵ Селение Перекоп находилось на севере одноименного перешейка, соединяющего Крымский полуостров с материком; ныне не существует.

³⁶ Аккерман – город у места впадения Днестра в северо-западную часть Черного моря, ныне Белгород-Днестровский Одесской области Украины.

Доходы правящего хана составляли:

1-е. Десять процентов от зерна, которое выращивали ногаи.

2. Продукция соленых озер – лишь очень небольшое количество соли принадлежало отдельным лицам – она давала ему около ста тысяч талеров [*dollars*]³⁷ в год, то есть около двенадцати тысяч пятисот фунтов стерлингов.

3. Пошлина с импорта и экспорта, которая обычно достигала той же суммы в сто тысяч талеров в год, то есть около двенадцати тысяч пятисот фунтов стерлингов. [308]

4. Субсидии, которые Оттоманская Порта выплачивала хану в военное время, и зачастую другие суммы, шедшие на вооружение и поддержание у татар бодрого духа.

5. Суммы, которые ежегодно присылал османский султан на покрытие расходов двора калги-султана и оплату чиновников ханского двора, таких как визирь, казнадар и пр., с целью сделать их более зависимыми.

6. Жалование *сейманов* [*seimans*], нескольких отрядов численностью около 1600 человек, служащих ханской гвардией, всегда присылали из Константинополя.

В свою очередь, турки всегда могли рассчитывать на корпус вспомогательной кавалерии из Крыма и с Кубани.

Христиане и иудеи, как и в Турции, платили подушную подать беям или мурзам – но их притесняли несравнимо меньше, чем в Турции, они пользовались большей защитой, и к ним относились с меньшим высокомерием и пренебрежением.

Доходы хана Шагин-Гирея в 1781 г. составляли 900 000 талеров, не считая тех сумм, которые обычно присылали из Константинополя – эта сумма составляет около 112 500 фунтов стерлингов.

С тех пор численность жителей сократилась приблизительно до 100 000 душ в Крыму и 600 000 душ на Кубани; две трети [309] жителей выехали в Турцию с тех пор, как началось правление этого хана, оказавшегося последним. Осенью 1777 г. крымские татары сами встретили русскую армию князя Прозоровского [*Prozorofsky*]³⁸ на равнинах у Салгира [*plains of Salguir*], имея сорок тысяч человек, причем все они были конными и хорошо вооруженными. В 1782 г. в большом городе Каффе оставалось лишь 450 жилых домов.

Кажется, не будет неуместным сказать несколько слов о правлении последнего татарского хана и о том, как окончательно прекратилась татарская власть над Крымом.

В [Кючук]-кайнарджийском мирном договоре, заключенном в июле 1774 г., независимость Крыма определена следующими словами. Артикул III³⁹. «*Все татарские народы: крымские, буджатские, кубанские, едисанцы, жамбуйлуки и едичку-*

³⁷ Денежные расчеты в трактате Итона приведены в талерах, крупной высокопробной монете германских государств Нового времени, широко использовавшихся в разных странах. В частности, талер австрийской императрицы Марии-Терезии (1740–1780) свободно обращался в Османской империи [10, с. 114].

³⁸ Князь Александр Александрович Прозоровский (1733–1809) – российский военачальник, командовавший войсками, вмешавшимися в гражданский конфликт в Крыму.

³⁹ Перевод отрывков из договора на английский язык очень точный. Цитата приведена по русскому изданию документа [6, с. 350–351]. Пропуски и неточности отмечены особо.

лы, без изъятия от обеих империй имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавной властью собственного их хана Чингисского поколения, всем татарским обществом избранного и возведенного, который да управляет ими по древним их законам и обычаям, не отдавая отчета ни в чем никакой посторонней державе; и для того ни российский двор, ни Оттоманская Порта не имеют вступать как в избрание и возведение помянутого хана, так и в домашние, политические, [310] гражданские и внутренние их дела ни под каким видом, но⁴⁰ признавать и почитать оную татарскую нацию в политическом и гражданском состоянии, по примеру других держав, под собственным правлением своим состоящих, ни от кого, кроме единого Бога, не зависящих. В духовных же обрядах⁴¹, как единоверные с мусульманами, в рассуждении его султанского величества, яко верховного калифа магометанского закона, имеют сообразоваться правилам, законом их предписанным, без малейшего предосуждения однако ж утверждаемой для них политической и гражданской вольности)... «Российская империя [...] обещается [...] все свои войска вывесть и пр.⁴², а Блистательная Порта взаимно обязывается, равномерно отрешись от всякого права, какое бы оное быть ни могло, на крепости, города, жилища и пр.⁴³ в Крыму, на Кубани и⁴⁴ на острове Тамани лежащие, в них гарнизонов и военных людей своих никаких не иметь, и пр., и пр.»⁴⁵

Вследствие этой клаузулы, Шагин-Гирей был избран ханом беями и мурзами с одобрения народа, ведь, казалось, между ними не случилось разногласий.

Однако новый хан недолго сохранял свою популярность. Он пожелал цивилизовать свой народ и ввести европейскую дисциплину в своих отрядах. Он преуспел бы, если бы с большим уважением отнесся к предрассудкам, глубоко укоренившимся у нации. Он начал с того, что полностью [311] отменил прежнюю систему правления – он нанял новых солдат, получавших жалованье, и назначил офицерами мурз. Прежде у них не было постоянной армии, но всякий мужчина был солдатом. Он уменьшил ренту, которую народ платил мурзам за землю, и направил ее на собственные нужды, назначив тем мурзам, кто станет служить в армии, большее жалование. Он слишком уж копировал нравы христиан или русских, пусть и пунктуально соблюдал все церемонии собственной религии. Таким образом, его расходы превысили доход, но он не мог, подобно своим предшественникам, просить Оттоманскую Парту о денежных субсидиях, ведь та прекратила платить жалование чиновникам его двора. Он чеканил новую монету, что потребовало огромных расходов – и послал за немцем, [чтобы тот стал] заведовать монетным двором. Он

---

⁴⁰ У Итона добавлено: «наоборот».

⁴¹ У Итона добавлено: «Татары»

⁴² В эту фразу из девяти слов Итон ужал десять печатных строк трактата, опустив фрагменты о разделе занятых российскими войсками пунктов между двумя империями и ханством.

⁴³ В оригинале трактата: «и на все прочее».

⁴⁴ У Итона: «или».

⁴⁵ Итон опустил последние девять строк документа.

передал сбор различных видов государственных доходов людям, собиравшим деньги с ранее неведомой строгостью. Он создал артиллерийский корпус и попытался учредить флот – но недостаток средств не позволил ему успешно завершить ни одно из своих предприятий.

Турки с ревностью наблюдали за независимостью татар и жаловались на то, что, по всей вероятности, не смогут рассчитывать на их помощь в будущей войне, ведь хан провозгласил намерение придерживаться нейтралитета в качестве единственного способа сделать свой народ сильным и сохранить свою независимость. [312] Турки через своих эмиссаров, в основном бывших религиозными фанатиками, непрерывно работали над тем, чтобы подбить этот народ к бунту. Им удалось настолько возбудить дух неповиновения, что хан, опасавшийся за свою безопасность, призвал русское войско и разместил небольшие его отряды в разных уголках страны. Перед тем турки послали войско на Тамань и обезглавили одного из ханских командиров.

Я прибыл в русскую крепость Еникале⁴⁶ в октябре 1777 г., направляясь в Бахчисарай, когда появились новости о том, что татары неожиданно и одновременно напали на русских, рассеянных по разным районам Крыма и Кубани, и перебили их всех – но самому хану удалось спастись бегством в ставку русских. Оттоманская Порта в то же самое время назначила нового хана, отправив его в порт, который ныне называется Севастополем, с пятью линейными кораблями. Вскоре в Крым вошла русская армия, татары были побеждены и в течение зимы вновь приведены к покорности своему хану. Русских обвиняли в том, что при этом они совершили некоторые жестокости. Если их нельзя оправдать как христиан, следовавших закону воздаяния⁴⁷, то можно отчасти извинить как людей.

Татар, пусть и приведенных к покорности, [313] не могли удерживать в этом состоянии немногочисленные отряды, на которые мог полагаться хан. Потому он вынужден был сохранить вспомогательную русскую армию, а Порта несколько раз пыталась возбудить новый мятеж. Императрица, в конце концов утомленная постоянно вызывавшимся ими беспокойством и решившая более не подвергать своих подданных бедствиям, которые несли набегии этих варваров, захватила Крым и Кубань в 1783 г. Хан удалился на покой в Калугу, что в Малороссии [*Russia Minor*]⁴⁸, где получал очень большую пенсию от императрицы, а относились к нему совершенно как к монарху. Но, непривычный к спокойной и бездеятельной жизни, он покинул Россию и отправился в Константинополь, где его поначалу приняли с великими почестями, но вскоре отправили в ссылку на один из греческих островов, и однажды, когда он был в бане, схватили и удушили, а голову его отослали в Константинополь.

⁴⁶ Крепость Еникале была передана России по Кючук-кайнарджийскому мирному договору 1774 г.; находится на севере современного г. Керчи на восточной оконечности полуострова.

⁴⁷ Отсылка к Священному писанию [Вт. 19: 14–21].

⁴⁸ Несмотря на опыт жизни в России, Итон запутался в географии, поместив подмосковный г. Калугу на территории нынешней центральной Украины.

Надеюсь, читатель простит меня за краткое отступление, [повествующее] обо мне самом, ведь оно может пролить немного света на характер и нравы народа, среди которого я побывал. 10/21⁴⁹ декабря 1777 г. я отплыл на небольшом судне из Еникале в Каффу (дорога по суше была небезопасна), которую только что штурмом взяли русские во главе с генералом Бальменом [*Balmaine*]⁵⁰, а множество находившихся в Каффе турок были преданы мечу греческим корпусом из Еникале⁵¹, [314] каковые [греки] также отняли у моего слуги весь мой багаж, стоивший весьма немало, что я так и не смог возместить. Вместо того, чтобы войти в порт Каффы, мы были отнесены штормом вдоль берега и, потеряв бушприт и все якоря, очень нуждались в воде, ведь на борту находилось восемьдесят человек, все военные. Мы несколько раз высаживались на берег, чтобы набрать воды, но всякий раз были отбиты татарами. В конце концов, мы миновали Балаклаву [*Belaklava*] и легли в дрейф в заливе Кезлева [*Gioslévé*]⁵², что против Севастопольского порта, где увидели стоявший на якорях турецкий флот. К нам прибыл хозяин одного турецкого торгового судна, с которым мы заключили сделку, уплатив около пятидесяти фунтов стерлингов за бочонок воды, который он обещал доставить ночью. Но, когда он высадился на берег, мы заметили, что один из турецких фрегатов ставит марсели и готовится отплыть. Спускалась ночь, когда мы вышли в море и направились к Дунаю, единственному порту⁵³, который можно было достичь при имевшемся ветре, предпочтя смерть от жажды турецкому милосердию. Я был единственным человеком на корабле, который мог управлять им, не видя земли. Капитан, которым был грек, двинулся рассудком. Я нашел две турецких лоции Черного моря, в которых широта Дуная отличалась на градус. Я изучил [карту] берега Анатолии, который [315] тем летом осмотрел от Константинополя до Китроса [*Kitros*]⁵⁴, и таким образом принял решение.

Мы благополучно прибыли к устью [называющемуся] Сулина [*Sulina-mouth*]⁵⁵, но ветер не давал нам войти в него, и к нам направились турецкая лодка. И здесь я не

⁴⁹ Итон записал даты по-новому (григорианскому, западному) и старому (юлианскому, использовавшемуся в России) стилю.

⁵⁰ Антон Богданович де Бальмен (1741–1790) – российский государственный и военный деятель, выходец из шотландского рода, участник русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

⁵¹ Речь идет о средиземноморских греках, участниках антитурецкого восстания в ходе русско-османской войны 1768–1774 гг., которые по ее окончании при поддержке российского правительства переселились в крымские города Керчь и Еникале (см. прим. 46). Из них формировали нерегулярные подразделения (в описываемое время – «Албанское войско»), участвовавшее, в частности, в подавлении мятежей крымских татар в 1777–1778 гг. После присоединения Крыма к России большую их часть перевели в Балаклаву на юго-западе полуострова [12, с. 5–41].

⁵² Ныне г. Евпатория, на западе Крыма.

⁵³ Так в тексте. Ясно, что Итон собирался добраться до одного из портов в дельте р. Дунай – например, Килии или Галаца.

⁵⁴ Неясное место. Маловероятно, что автор имел в виду Китрос – местечко на северо-востоке современной Греции, близ Салоник.

⁵⁵ Это было главное устье Дуная. Вот что писал Андре-Жозеф Лафитт-Клаве, французский офицер, в 1784 г. составивший описание Черного моря: Дунай «впадает в Черное море множеством устьев или рукавов, которые называются “Богаз”. Устье Сунне или Сулина – самое удобное для плавания и

смогу должным образом описать человечность, с которой к нам отнеслись команды нескольких турецких торговых судов. Удерживать корабль мы могли лишь перлинем да шлюпочным якорем. Вода была очень спокойна. Была уже ночь. Они прислали к нам пять больших лодок с людьми, чтобы отбуксировать нас в случае опасности, которые остались при нас на всю ночь. Утром мы благополучно вошли в реку.

На следующий день я отправился в Галац [*Galatz*]⁵⁶, намереваясь отправиться в Россию по суше. На реке увидел две новых турецких 50-ти-пушечных корабля, без орудий и команд. Я был знаком с капитанами по Константинополю, а потому был принят ими со всей любезностью.

1-го января 1778 г. я отправился к греческому губернатору с визитом вежливости, но встретил у него очень холодный прием. Он сидел на диване вместе с турком, по виду – важным лицом, который сразу же потребовал от имени пашы Эбрахила [*pasha of Ebrahim*]⁵⁷ отрубить головы мне и тем 26 людям, которые вместе со мной высадились с корабля. Палач стоял здесь же в комнате, вместе с сумкой, куда должны были сложить наши [316] головы, а во дворе перед зданием навалили кучу опилок, чтобы впитать кровь. Мой переводчик-грек был так напуган, что не смог вымолвить ни единого слова, кроме «*quel sacco*»⁵⁸, указывая на сумку, предназначенную для его головы. К счастью, им не удалось меня запугать – но мне пришлось говорить в свою защиту как можно убедительнее, с большим трудом убеждая офицера-силиктара [*siliktar*] (меченосца) при паше в том, что я англичанин, явившийся с добрыми намерениями; что даже будь я врагом, при обстоятельствах, в которых мы оказались на Дунае, в обычае всех наций было бы предоставить нам убежище. Тогда он сказал мне, что нас обвиняют в том, что мы прибыли на Дунай с целью сжечь два турецких военных корабля. Короче говоря, мои доводы и несколько тысяч талеров в русских банкнотах убедили его отправиться к паше за новыми инструкциями и послать к капитанам турецких военных кораблей, которые поклялись головой в том, что я англичанин и друг капитан-пашы⁵⁹. Счастливым оказалось то обстоятельство, что они видели меня с капитан-пашой и знали, что я на самом деле был англичанином.

Потом я узнал, что оклеветал нас губернатор-грек, поначалу принявший меня с большой любезностью.

Три месяца мы оставались пленниками, но могли ходить по городу, пока не пришел приказ от капитан-пашы [317] отпустить на свободу, и «*чтобы нам досаждали как можно меньше, так что, если бы птичка уселась бы на клотик мачты, ее следовало прогнать*».

Пока я находился в карантине на русской границе, в сентябре 1778 г., ее пересекли 75 000 христиан, которых русские заставили выехать из Крыма (35 769 душ

самое часто посещаемое...» [41, р. 16].

⁵⁶ Город и порт в устье Дуная, на востоке нынешней Румынии.

⁵⁷ Неясное место. Речь идет о коменданте какого-то города или местности – может быть, это сильно искаженное название османской крепости Измаил на нижнем Дунае (ныне город Одесской области Украины).

⁵⁸ Этот мешок (итал.).

⁵⁹ То есть османского адмирала – командира флотилии.

мужского пола). Прибывшие из Каффы армянки были красивее и, полагаю, ближе подошли к совершенным формам греческих статуй, чем женщины из Тиноса [Tino]⁶⁰. Этим людям расселили в стране, оставленной ногайскими татарами, близ западного⁶¹ берега Азовского моря (Palus Mæotis⁶²), но зимой, до наступления которой они не успели построить дома, значительной их части пришлось спастись от холода в вырытых в земле норах, накрытых всем, что удалось достать. Эти люди бросили удобные дома, и потому большая их часть погибла – несколько лет назад в живых оставалось лишь семь тысяч [человек]. Судьба колонии [выходцев] из Италии на берегах Борисфена [Borysthenes]⁶³, [основанной] в 1783 г., была не лучшей, но не из-за климата, а из-за плохой работы тех, кому поручили их снабжение. Не более счастлива оказалась судьба колоний немцев в России – но это лишь отступление.

Здесь я воспользуюсь возможностью исправить [318] несколько ошибок, допущенных некоторыми знаменитыми писателями.

В отношении титула «султан», который носил род Чингисхана, и титула хан (французы, которые не отличают звук *м* от *н*, если за ним не следует гласная, обычно пишут его как *кам* [kam] или *хам* [cham], вроде того, как они пишут Эдимбург [Edimbourg] и пр.⁶⁴), некоторые из сделанных бароном де Тоттом наблюдений должны быть исправлены. Его ошибки, не полностью исправленные [де] Пейссоннелем, происходят от непонимания того, что эти слова имеют разное значение в тех странах, где их употребляют. Эти слова используются как в приказах, так и (вопреки утверждению де Тотта) турецкими императорами для выражения власти монарха, что следует из арабской надписи на турецких деньгах: «*Султан, эбн уль султан, Абдулхамид хан, даме мулху. – Султан, сын султана, хан Абдул-Хамид, да будет его царствование вечным*». Однако в Персии эти слова используют совсем по-другому: шах, который у татар равнозначен хану или королю, это единственный титул, который носит персидский монарх, – в этой стране хан соответствует турецкому паша, и потому его носят наместники провинций, тогда как султан, который там означает просто командира, это титул кавалерийского капитана. В мое время одного человека назначили *ханом*, то есть губернатором [319] Бендер-Рика [Benderrik]⁶⁵, а

⁶⁰ Тинос – остров в архипелаге Киклады в Эгейском море. Жительницы греческих островов в XVIII–XIX вв. считались красавицами, превосходившими своих соплеменниц с материка [напр.: 45, р. 188].

⁶¹ Снова познания в географии подвели Итона (ср. прим. 48). Выселенные из Крыма христиане были поселены на северном берегу Азовского моря, в районе современных г. Мариуполь и г. Ростов-на-Дону.

⁶² Меотийское болото (лат.) – античное название Азовского моря. Здесь, как и в некоторых других случаях (см. прим. 6, 63), Итон предпочитал классические топонимы современным ему тюркским.

⁶³ Античное название реки Днепр.

⁶⁴ Пример неточного написания можно отыскать в знаменитой «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, в статье «Крым»: «Его жители – магометане; ими управляет хан, которого мы называем *кат*, назначаемый Оттоманской Портой, которого смещают, по словам г-на Вольтера, если татары на него жалуются, а еще скорее, если он слишком непопулярен» [30, р. 470].

⁶⁵ Вероятно, речь идет о городе на берегу Персидского залива, на территории нынешнего Ирана [см.: 46, р. 150–151].

его сына, который командовал отрядом конницы, называли *султаном*. Я говорю о современном использовании этих слов, а не об их прежнем значении.

Тотт ошибается, когда утверждает, что бей [рода] Ширинов постоянно представляет пятерых других беев. В *kingеше* [*kingeshés*], или чрезвычайных собраниях, а также во всех общественных советах бей [рода] Ширинов, будучи первым по рангу, представляют лишь собственную семью – [там] также присутствуют беи других домов, каждый из которых представляет свой собственный род.

Исторический дневник событий в Крыму, который вели в *Бахчисарае*, вероятно, является ценным документом – кажется, Пейссоннель сомневается в его существовании, или, по крайней мере, полагает, что это не многим больше чем компиляция общей традиции, составленная каким-то образованным татаринном. Однако ясно, что такой дневник там регулярно вела одна семья, передававшая его от отца к сыну с такой же регулярностью, как вели дневник в Константинопольской Порте. Ханы часто на него ссылались.

Каверны, имеющиеся в разных районах Крыма, в частности на Тепе-Кермене⁶⁶ [*Terekirman*], что в полулиге⁶⁷ от Бахчисарая, породили много любопытнейших рассуждений – поскольку они находятся на краю отвесных, часто перпендикулярных [обрывов] [320] скалистых гор и имеют правильную форму, очевидно, они созданы искусством человека, но в качестве погребальных памятников ли, крепостей ли, или же мест, где укрывали скот во время [вражеского] вторжения, или для какой-то другой цели, на сегодняшний день неясно. Возражение г-на Пейссоннеля, который полагает, что скот не может взобраться на такую высоту, несомненно, опровергается практикой, ведь и ныне татары на самом деле каждую ночь загоняют стада коз в некоторые из них по высеченным в скале ступеням, чему он сам мог бы быть свидетелем, если бы, подобно мне, провел ночь в этой прекрасной и романтической долине. Однако другие [пещеры] не имели таких подходов, так что они могли служить убежищем для самих хозяев отар⁶⁸.

Сказанное достаточно освещает политическое состояние татар. Немногое в их образовании снабжает ум знаниями, а все обнаруживающиеся у них признаки смысленности следует объяснять природным талантом и следствием активного образа жизни, который даже у дикарей вырабатывает остроту и точность мысли. Приобретенная ими информация очень ограничена – высшие виды образования у них составляют чтение и письмо, а в науках в целом они смыслят еще меньше, чем даже турки. Как у большинства [321] варваров, их собственная страна кажется им одновременно образ-

⁶⁶ Тепе-Кермен – «пещерный город» византийского времени на вершине горы в 5 км к юго-востоку от Бахчисарая. Интересно, что, в отличие от других подобных памятников, западные путешественники посещали его редко.

⁶⁷ Лига – старинная английская мера длины. Морская лига равна 5556 м, сухопутная – 4828 м.

⁶⁸ Необычные «города» на вершинах или склонах крымских гор с многочисленными искусственными пещерами, к тому времени давно заброшенные, весьма интересовали путешественников, тем более что местные жители рассказывали по этому поводу самые фантастические вещи [см.: 4, с. 434–439; 19, с. 415–422].

цом совершенства и пределом познания – и даже главные государственные служащие не знают географии или взаимного расположения всех остальных стран.

Татарский способ ведения войны совсем не похож на европейскую тактику – это сплошная неразбериха и суета, но он дает возможность проявить большое проворство и немалую долю варварского мастерства. Попеременно убегая и нападая отдельными отрядами, они одновременно сражаются разными способами – пуская в дело сабли, копья и огнестрельное оружие, они бьются одинаково как верхом, так и спешившись, хотя первое – это самое привычное для них дело. Правильность и дисциплина современных европейских сражений сильно повлияла на относительно мягкое отношение к побежденным – но эта беспорядочная борьба дает волю страстям каждого индивидуума, личная ярость усиливает дикий ужас этой сцены, и врага никогда не щадят, если только он не изранен и потому представляет ценность в качестве раба⁶⁹.

Не удивительно, что, когда императрица [Екатерина II] получила власть над Крымом, значительной части его жителей-татар пришлось покинуть свою страну. Помимо религиозных предрассудков этих людей, их беспокойные и буйные [322] нравы сделали их мало приспособленными к трудолюбию и цивилизованности, которые она попыталась ввести в своих вновь приобретенных владениях. Те, кто предпочел покинуть эту страну, должны были продать свои земли и другое имущество, которое находилось под защитой русских. Она не поступила с ними так, как всегда поступали турки и татары с жителями завоеванных стран – те, кто решил остаться, сохранили в неприкосновенности свое имущество и свою веру, пользуясь той же защитой и теми же привилегиями, что и российские подданные-христиане.

Ныне татарские орды больше не пополняют турецкую армию и не отмечают свой путь лежащими в прахе сожженными селениями и убитыми жителями. Те орды, что проникали даже в Пруссию и Силезию, грабили Польшу, Венгрию и Россию, предавая огню и мечу каждое жилище, всякое живое существо, которое они не могли увести с собой, привязывая пленников к хвостам своих коней, а пленники эти были цветом молодежи европейских наций, уведенные, чтобы никогда больше не вернуться из рабства и скверны к своим друзьям и в свою страну, – ныне эти орды или рассеяны среди своих собратьев-дикарей в Азии, или цивилизованы своими завоевателями.

---

⁶⁹ Иначе говоря, татары представлены в виде архетипичных кочевников, а описание их военного дела следует традиции, начало которой положили еще античные авторы применительно к причерноморским конным варварам. Это не удивительно, ведь Итон считал татар потомками гуннов (см. прим. 14).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов К.А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 348 с.
2. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И.И. Федюкин. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 548 с.
3. Герardini О.Н. Армяне в произведениях английских авторов конца XVIII – начала XX столетия // Исследования по арменистике в Украине. Вып. 3. Симферополь, 2011. С. 99–103.
4. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Херсон и его округа в конце X–XI вв. «Пещерные города» // Русский исторический сборник. Средневековый Херсон X–XI вв. М.: Киммерийский центр, 2015. С. 433–481.
5. Горшенина С.М. Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой / пер. с франц. М.Р. Майзульс. Вашингтон, 2019. 119 с.
6. Дружинина Е.И. Кючук-кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: Изд-во АН СССР, 1955. 366 с.
7. Калашников В.М. Британский взгляд на Крым (хроники, мемуары, дневники XVII – первой четверти XIX столетия). Днепропетровск, 2013. 349 с.
8. Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания / пер. с ит. Е. Смагина, А. Карлова, А. Митрофанов. СПб.: Alexandria, 2016. 326 с.
9. Нойманн И.Б. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В.Б. Литвинов, И.А. Пирльщикова. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
10. Ориентализм. Турецкий стиль в России. 1760–1840-е / сост. О.А. Соснина, А.М. Валькович. М.: Кучково поле, 2017. 256 с.
11. Пейссонель Ш. де. Записка о Малой Татарии / пер. с фр. В. Лотошникова. Днепропетровск: Герда, 2009. 80 с.
12. Пряжин Ю.Д. Греки в истории России XVIII–XIX веков. Исторические очерки. СПб.: Алетейя, 2008. 272 с.
13. Сироткин В.Г. Рец. на книгу: А.М. Станиславская. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807 гг.) // Вопросы истории. 1963. № 10. С. 149–151.
14. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. М.: Рубежи XXI, 2005. 540 с.
15. Стевен А.Х. Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК. 1891. № 13. С. 33–54.
16. Строев А. «Те, кто поправляет Фортуну». Авантюристы Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 400 с.
17. Филюшкин А. Как Россия стала для Европы Азией? // Изобретение империи: языки и практики. М.: Новое издательство, 2011. С. 10–48.
18. Храпунов Н.И. Путешествие в Крым Джеймса Уэбстера и его товарищей (1827 г.) // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 379–426.
19. Храпунов Н.И. Мангупское городище в трудах путешественников конца XVIII – начала XIX в.: исследования и иллюзии // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 412–433.
20. Храпунов Н.И. Крым глазами британского авантюриста Уильяма Итона // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 1. С. 147–166.
21. Храпунов Н.И. Размышления о необходимости присоединения Крыма к России в трудах отечественных и зарубежных авторов XVI–XVIII вв. // Оазисы шелкового пути: ислам в России и Евразии. Сборник научных статей памяти Дмитрия Юрьевича Арапова. СПб.: Марджани, 2020. (в печати)
22. Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 395–430.
23. Храпунов Н.И., Храпунова С.Н. «Золотой век» Крымского ханства: к истории формирования стереотипа // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы IV Международной научной конференции. Т. II. М.: ИВ РАН, 2020. С. 266–273.

24. A Letter to Mr. Eton, from a Merchant in Turkey, In Answer to a Chapter in His Survey of the Turkish Empire, to Prove the Necessity of Abolishing the Levant Company; And also, on Quarantine Regulations. London: J. Mathews, 1799. 32 p.
25. Anderson M.S. Samuel Bentham in Russia, 1779–1791 // *The American Slavic and East European Review*. 1956. Vol. 15. No. 2. P. 157–172.
26. [Byron G.G.] *The Works of Lord Byron. A New, Revised and Enlarged Edition. Vol. II: Poetry* / ed. E.H. Coleridge. London: John Murray; New York: Charles Scribner's Sons, 1899. 525 p.
27. Cardwell R.A. Byron and the Orient: Appropriation or Speculation? // *Byron and Orientalism* / ed. P. Cochran. Newcastle: Cambridge Scholars Press, 2006. P. 152–172.
28. Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey*. 4th ed. Vol. 2. London: T. Cadell and W. Davies, 1817. 524 p.
29. Dubois de Montpéreux F. *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*. Vol. V. Paris: Librairie de Gide, 1843. 464 p.
30. *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers* / éd. D. Diderot, J. d'Alembert. T. 4. Paris: Briasson; David; Le Breton; Durand, [1751]. 1098 p.
31. Eton W. A Survey of the Turkish Empire. London: T. Cadell, jun. and W. Davies, 1798. 516 p.
32. Eton W. A Survey of the Turkish Empire. 2nd ed. London: T. Cadell, jun. and W. Davies, 1799. 526 p.
33. Eton W. A Survey of the Turkish Empire. 3rd ed. London: T. Cadell, jun. and W. Davies, 1801. 500 p.
34. Eton W. A Letter to the Right Honourable the Earl of D***, on the Political Relations of Russia, in Regard to Turkey, Greece, and France. London: T. Cadell and W. Davies, 1807. 135 p.
35. Eton W. A Survey of the Turkish Empire. 4th ed. London: T. Cadell and W. Davies, 1809. 500 p.
36. Gephardt K. *The Idea of Europe in British Travel Narratives, 1789–1914*. Farnham; Burlington: Ashgate, 2014. 238 p.
37. Holderness M. *Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonists of New Russia*. 2nd ed. London: Sherwood, Gilbert, and Piper, 1827. 316 p.
38. Ingram E. From Trade to Empire in the near East – III: The Uses of the Residency at Baghdad, 1794–1804 // *Middle Eastern Studies*. 1978. Vol. 14. No. 3. P. 278–306.
39. Kapetanakis P. *New Approaches of British and Ionian Presence in Ports and Grain-Markets of the Russian Black Sea and the Danube (Mid-18th – Mid-19th Century)*. Athens: General Secretariat for Research and Technology, 2015. 212 p.
40. Khrapunov N.I. The image of Crimea among British travelers Edward Clarke and Reginald Heber at the turn of the 18th–19th centuries // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2019. Вып. 18. № 4. С. 883–903.
41. Lafitte-Clavé [A.-J.]. *Journal d'un voyage sur les côtes de la mer Noire du 28 avril au 18 septembre 1784* / publ. D. Anoyatis-Pelé. Istanbul: Isis, 1998. 180 p.
42. Macdonald J. *From Boiled Beef to Chicken Tikka: 500 Years of Feeding the British Army*. London: Frontline Books, 2014. 246 p.
43. Mézin A. *Les consuls de France au siècle des lumières (1715–1792)*. [Paris]: Ministère des affaires étrangères. Direction des archives et de la documentation, [1998]. 980 p.
44. Morriss R. *Science, Utility and Maritime Power: Samuel Bentham in Russia, 1779–91*. London; New York: Routledge, 2015. 273 p.
45. *The Penny Magazine of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge*. May 14, 1836. P. 185–192.
46. Thevenot [J.] de. *Travels into the Levant. Pt. 2*. London, 1687. 200 p.
47. Thornton Th. *The Present State of Turkey; Or a Description of the Political, Civil, and Religious Constitution, Government, and Laws, of the Ottoman Empire*. London: Joseph Mawman, 1807. 436 p.
48. Wolff L. *The Singing Turk. Ottoman Power and Operatic Emotions on the European Stage from the Siege of Vienna to the Age of Napoleon*. Stanford (Calif.): Stanford University Press, 2016. 490 p.

REFERENCES

1. Bogdanov K.A. *O krokodilah v Rossii. Ocherki iz istorii zaimstvovaniy i jekzotizmov*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006, 348 p.

2. Wolff L. *Izobretaja Vostochnuju Evropu: karta civilizacii v soznanii jepohi Prosveshhenija*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003, 548 p.
3. Gerardini O.N. Armjane v proizvedenijah anglijskih avtorov konca XVIII – nachala XX stoletija. *Issledovanija po armenistike v Ukraine*, vol. 3, Simferopol, Feniks Publ., 2011, pp. 99–103.
4. Gertsen A.G., Mogarichev Ju.M. Herson i ego okrug v konce X–XI vv. «Peshhernye goroda». *Russkij istoricheskij sbornik. Srednevekovyj Herson X–XI vv.* Moscow, Kimmeriskij centr Publ., 2015, pp. 433–481.
5. Gorshenina S.M. *Izobrenenie kontsepta Srednei / Tsentral'noi Azii: mezhdru naukoj i geopolitikoj*. Washington (DC), Central Asia Program, George Washington University, 2019, 119 p.
6. Druzhinina E.I. *Kjuchuk-kajnardzhiskij mir 1774 goda (ego podgotovka i zaključenje)*. Moscow, AN SSSR Publ., 1955, 366 p.
7. Kalashnikov V.M. *Britanskij vzgljad na Krym (hroniki, memuary, dnevniki XVII – pervoj chetverti XIX stoletija)*. Dnepropetrovsk, 2013, 349 p.
8. Kardini F. *Evropa i islam: istorija neponimanija*. St. Petersburg, Alexandria Publ., 2016, 326 p.
9. Neumann I.B. *Ispol'zovanie «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2004, 336 p.
10. *Orientalizm. Tureckij stil' v Rossii. 1760–1840-e.* Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2017, 256 p.
11. Peyssonnel Ch. de. *Zapiska o Maloj Tatarii*. Dnepropetrovsk, Gerda Publ., 2009, 80 p.
12. Prjahin Ju.D. *Greki v istorii Rossii XVIII–XIX vekov. Istoricheskie ocherki*. St. Petersburg, Aletejja Publ., 2008, 272 p.
13. Sirotkin V.G. Rec. na knigu: A.M. Stanislavskaja. *Russko-anglijskie otnoshenija i problemy Sredizemnomor'ja (1798–1807 gg.)*. *Voprosy istorii*, 1963, No. 10, pp. 149–151.
14. Smirnov V.D. *Krymskoe hanstvo pod verhovenstvom Ottomanskoj Porty do nachala XVIII v.* Moscow, Rubezhi XXI Publ., 2005, 540 p.
15. Steven A.H. Dela arhiva Tavricheskogo gubernskogo pravlenija, odnosjashiesja do razyskanija, opisania i sohraneniya pamjatnikov stariny v predelah Tavricheskoj gubernii. *Izvestia Tavricheskoj uchenoi arkhivnoi komissii*, 1891, No. 13, pp. 33–54.
16. Stroev A. «*Te, kto popravljaet Fortunu*». *Avantjuriisty Prosveshhenija*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998, 400 p.
17. Filjushkin A. *Kak Rossija stala dlja Evropy Aziej? Izobrenenie imperii: jazyki i praktiki*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2011, pp. 10–48.
18. Khrapunov N.I. Puteshestvie v Krym Dzhejmса Ujebstera i ego tovarishhej (1827 g.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2014, Vol. 19, pp. 379–426.
19. Khrapunov N.I. Mangupskoe gorodishhe v trudah puteshestvennikov konca XVIII – nachala XIX v.: issledovanija i illjuzii. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2017, Vol. 22, pp. 412–433.
20. Khrapunov N.I. Krym glazami britanskogo avantjurista Uil'jama Itona. *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2020, Vol. 8, No. 1, pp. 147–166.
21. Khrapunov N.I. Razmyshlenija o neobhodimosti prisoedeneniya Kryma k Rossii v trudah otechestvennyh i zarubezhnyh avtorov XVI–XVIII vv. *Oazisy shelkovogo puti: islam v Rossii i Evrazii. Sbornik nauchnyh statej pamjati Dmitrija Jur'evicha Arapova*, St. Petersburg, Mardzhani publ., 2020. (in print)
22. Khrapunov N.I., Ginkut N.V. Krym v 1784 g. po svidetel'stvu francuzskogo puteshestvennika barona de Bara. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2015, Vol. 20, pp. 395–430.
23. Khrapunov N.I., Khrapunova S.N. «Zolotoj vek» Krymskogo hanstva: k istorii formirovanija stereotipa. *Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Istoricheskie, kul'turnye, mezhnacional'nye, religioznye i politicheskie svjazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka"*, vol. 2, Moscow, IV RAN Publ., 2020, pp. 266–273.
24. *A Letter to Mr. Eton, from a Merchant in Turkey, In Answer to a Chapter in His Survey of the Turkish Empire, to Prove the Necessity of Abolishing the Levant Company; And also, on Quarantine Regulations*. London, J. Mathews, 1799, 32 p.
25. Anderson M.S. Samuel Bentham in Russia, 1779–1791. *The American Slavic and East European Review*, 1956, Vol. 15, No. 2, pp. 157–172.

26. *The Works of Lord Byron*. A New, Revised and Enlarged Edition, vol. 2. London, New York, 1899, 525 p.
27. Cardwell R.A. Byron and the Orient: Appropriation or Speculation? *Byron and Orientalism*, Newcastle, Cambridge Scholars Press, 2006, pp. 152–172.
28. Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey*. Vol. 2. 4th ed. London, T. Cadell and W. Davies, 1817, 524 p.
29. Dubois de Montpéreux F. *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*. Vol. 5. Paris, Librairie de Gide, 1843, 464 p.
30. Diderot D., d'Alembert J. (Eds.). *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. T. 4. Paris: Briasson; David; Le Breton; Durand, [1751], 1098 p.
31. Eton W. *A Survey of the Turkish Empire*. London, T. Cadell, jun. and W. Davies, 1798, 516 p.
32. Eton W. *A Survey of the Turkish Empire*. 2nd ed. London, T. Cadell, jun. and W. Davies, 1799, 526 p.
33. Eton W. *A Survey of the Turkish Empire*. 3rd ed. London, T. Cadell, jun. and W. Davies, 1801, 500 p.
34. Eton W. *A Letter to the Right Honourable the Earl of D***, on the Political Relations of Russia, in Regard to Turkey, Greece, and France*. London, T. Cadell and W. Davies, 1807, 135 p.
35. Eton W. *A Survey of the Turkish Empire*. 4th ed. London, T. Cadell and W. Davies, 1809, 500 p.
36. Gephardt K. *The Idea of Europe in British Travel Narratives, 1789–1914*. Farnham, Burlington, Ashgate, 2014, 238 p.
37. Holderness M. *Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonists of New Russia*. 2nd ed. London, Sherwood, Gilbert, and Piper, 1827, 316 p.
38. Ingram E. From Trade to Empire in the near East – III: The Uses of the Residency at Baghdad, 1794–1804. *Middle Eastern Studies*, 1978, vol. 14, no. 3, pp. 278–306.
39. Kapetanakis P. *New Approaches of British and Ionian Presence in Ports and Grain-Markets of the Russian Black Sea and the Danube (Mid-18th – Mid-19th Century)*. Athens, General Secretariat for Research and Technology, 2015, 212 p.
40. Khrapunov N.I. The image of Crimea among British travelers Edward Clarke and Reginald Heber at the turn of the 18th–19th centuries. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriiia Rossii*, 2019, Vol. 18, No. 4, pp. 883–903.
41. Lafitte-Clavé [A.-J.]. *Journal d'un voyage sur les côtes de la mer Noire du 28 avril au 18 septembre 1784*. Istanbul, Isis, 1998, 180 p.
42. Macdonald J. *From Boiled Beef to Chicken Tikka: 500 Years of Feeding the British Army*. London, Frontline Books, 2014, 246 p.
43. Mézin A. *Les consuls de France au siècle des lumières (1715–1792)*. Paris, Ministère des affaires étrangères. Direction des archives et de la documentation, 1998, 980 p.
44. Morriss R. *Science, Utility and Maritime Power: Samuel Bentham in Russia, 1779–91*. London, New York, Routledge, 2015, 273 p.
45. *The Penny Magazine of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge*, May 14, 1836, pp. 185–192.
46. Thevenot [J.] de. *Travels into the Levant*, pt. 2. London, 1687, 200 p.
47. Thornton Th. *The Present State of Turkey; Or a Description of the Political, Civil, and Religious Constitution, Government, and Laws, of the Ottoman Empire*. London, Joseph Mawman, 1807, 436 p.
48. Wolff L. *The Singing Turk. Ottoman Power and Operatic Emotions on the European Stage from the Siege of Vienna to the Age of Napoleon*. Stanford (Calif.), Stanford University Press, 2016, 490 p.

Информация об авторе

Храпунов Н. И. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: Q-8101-2017.

Information about the author

Khrapunov N. I. – Candidate of Science (History), Leading Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: Q-8101-2017.